

От составителя

Сборник “Осип Мандельштам. Калинин. Ноябрь 1937 г. – март 1938 г.” подготовлен отделом краеведческой информации Центральной городской библиотеки им. А.И. Герцена и посвящен калининскому (тверскому) периоду жизни замечательного русского поэта Осипа Эмильевича Мандельштама. В издание включены тексты статей из газет и журналов, находящихся в фонде библиотеки. Материалы расположены в хронологическом порядке, их отбор закончен в марте 2011 года.

“Это был человек... странный... трудный... трогательный... и гениальный!”

Виктор Шкловский

Биографическая справка

Поэт Осип Эмильевич Мандельштам родился 3 января (15 января по новому стилю) 1891 г. в Варшаве в семье мастера-кожевника, мелкого торговца. Через год семья поселяется в Павловске, затем в 1897 г. переезжает на жительство в Петербург. Здесь О.Э. Мандельштам заканчивает одно из лучших петербургских учебных заведений - Тенишевское коммерческое училище, давшее ему прочные знания в гуманитарных науках, отсюда началось его увлечение поэзией, музыкой, театром.

В 1908 — 1910 г.г. Мандельштам учился в Сорбонне и в Гейдельбергском университете, а 10 сентября 1911 г. он был зачислен на романо-германское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета.

1907 год

К этому времени он прочно вошел в литературную среду, принадлежал к организованному Николаем Гумилевым “Цеху поэтов”.

В 1913 г. в издательстве “Акмэ” вышла первая книга О.Э. Мандельштама “Камень”.

1920-е гг. были для Осипа Мандельштама временем интенсивной и разнообразной литературной работы. Вышли его поэтические сборники: “Tristia” (1922), “Вторая книга” (1923). Был опубликован ряд статей по важнейшим проблемам истории, культуры и гуманизма: “Слово и культура”, “О природе слова”, “Пшеница человеческая” и др.; автобиографическая книга “Шум времени”(1925); несколько книг для детей: “Два трамвая”, “Примус” (1925), “Шары” (1926). В 1928 г. была издана последняя прижизненная книга стихов О.Э. Мандельштама “Стихотворения”, а чуть позже – сборник статей “О поэзии” и повесть “Египетская марка”.

Много времени О.Э. Мандельштам отдавал переводческой работе. В совершенстве владея французским, немецким и английским языками, он брался (нередко в целях заработка) за переводы прозы современных зарубежных писателей. С особой тщательностью относился к стихотворным переводам, проявляя высокое мастерство.

В 1930-е г., когда началась открытая травля поэта и печататься становилось все труднее, переводы оставались той отдушиной, где поэт мог сохранить себя. В эти годы он перевел десятки книг.

Осенью 1933 г. О.Э. Мандельштам написал стихотворную эпиграмму против Сталина “Мы живем, под собою не чуя страны...”, за которую в мае 1934 г. был арестован. Его выслали в Чердынь на Северном Урале, где он пробыл две недели, заболел и попал в больницу. Затем был отправлен в Воронеж, где работал на радио, в газетах и журналах. После окончания срока ссылки О.Э. Мандельштам вернулся в Москву, но здесь ему жить запретили. С ноября 1937 г. по март 1938 г. поэт жил в Калинин (Твери).

В мае 1938 г. О.Э. Мандельштам вновь арестовали. Приговор – пять лет лагерей за контрреволюционную деятельность. Этапом был отправлен на Дальний Восток.

Умер О.Э. Мандельштам 27 декабря 1938 г. в больничном бараке в пересыльном лагере на Второй речке (сейчас в черте города Владивостока).

Последняя идиллия

100 лет со дня рождения О.Э. Мандельштама

Долог и страшен был путь на Голгофу одного из величайших мучеников российской поэзии. Был на этом пути и этап, связанный с нашим краем.

В начале июня 1937 года гонимый, отверженный, больной Мандельштам вместе с женой Надеждой Яковлевной укрылся от преследований московской милиции в Савелове — тогда маленьком поселке на высоком берегу Волги, против Кимр.

Вот как вспоминала об этом периоде Н.Я. Мандельштам:

“На пристанционном базаре торговали ягодами, молоком и крупой, а мера была одна — стакан. Мы ходили в чайную на базарной площади и просматривали там газеты. Называлась она “Эхо инвалидов” — нас так развеселило это название, что я запомнила его на всю жизнь. Чайная освещалась коптящей керосиновой лампой, а дома мы жгли свечу, но О. М. при таком освещении читать не мог из-за глаз. Все мы достаточно в нашей жизни насиделись при коптилках ... Да и книг мы с собой почти не взяли, потому что не собирались пускать корней и жили как

настоящие дачники. Это была временная стоянка — она нам понадобилась, чтобы передохнуть и оглядеться.

Савелово — поселок с двумя или тремя улицами. Все дома в нем казались добротными: деревянные, со старинными наличниками и воротами. Чувствовалась близость Калязина, который в те дни затоплялся. То и дело оттуда привозили отличные срубы, и нам тоже хотелось завести свою избу. Но как ее заведешь, когда нет денег на текущий день? Жители Савелова работали на заводе, а кормились рекой — рыбачили и из-под полы продавали рыбу. Обогревала их зимой тоже река — по ночам они баграми вылавливали сплавляемый с верховьев лес. Волга еще оставалась общей кормилицей, но сейчас уже навели порядок и реки нас не кормят...”

Последним же пристанищем поэта перед арестом стал

Август 1914 года

Калинин. Мандельштамы приехали сюда по совету И.Э. Бабеля. Здесь уже отбывал ссылку Николай Эрдман — знаменитый автор “Самоубийцы” — пьесы “о том, почему мы остались жить, хотя все толкало нас на самоубийство” (Н.Я. Мандельштам). В Калинин Эрдман был занят одним:

пытался выжить. Он помог поэту и его жене снять комнату в Затьмачье.

“Последняя идиллия” — так названа в “Воспоминаниях” Надежды Яковлевны глава о их пребывании в Калинин осенью и зимой 1937 - 38 годов.

Ниже приводятся фрагменты из этой главы.

На мостах через Волгу и Тьмаку дул пронзительный ветер — тот ветер ссылок и правительственных гонений, о котором я уже говорила. В предместье, где мы снимали комнату, осенью стояла непролазная грязь, а зимой мы тонули в снегу. Люди там могут жить только потому, что они никуда не выходят; на службу и обратно... О. М. задыхался и твердил, что мы напрасно поспешили на извозчика, а я плелась за ним.

На стук нам открывала хозяйка, высокая, сухощавая женщина, лет под шестьдесят. Хмуро оглядев нас, она спрашивала, не голодны ли мы. Хозяйка хмурилась не потому, что мы ее разбудили среди ночи. Ей было свойственно хмуриться, и она никогда не улыбалась. Быть может, ей казалось, что матери семейства, жене и хозяйке большого пятистенного дома не к лицу улыбка. Мы заверяли ее, что не голодны — закусили в Москве перед отъездом... Она молча исчезала на своей половине, но через секунду появлялась у нас в комнате с кружкой молока и остатками собственного обеда — оладьями, картошкой, капустой... Зимой зарезали свинью, и она приносила еще кусок мяса: “Ешьте — свое, не купленное...” Наши женщины своего труда никогда не считают: все, что выросло на огороде или в хлеву, это “свое”, денег не стоит, Богом данное... Пока мы ели, она стояла рядом и расспрашивала, чего мы добились в Москве — возвращения или хоть работы... Говорили мы тихо, чтобы не разбудить других жильцов, мужа и жену, тоже стоверстников, спавших за дощатой, не доходившей до потолка перегородкой. Сосед наш, ленинградец, бывший секретарь Щеголева, отсиживался в Калининне после лагеря или ссылки. Когда по совету прохожих мы постучались к Татьяне Васильевне — так звали нашу хозяйку — ленинградец

вышел на голоса и узнал О. М. Хозяйка, узнав, что мы не проходимцы, сдала нам комнату, и это было большой удачей.

Татьяна Васильевна жила с мужем, рабочим-металлургом. Властвовала она в доме безраздельно, и ее муж, добрый и мягкий человек, охотно ей подчинялся. Они только всегда сохраняли декорум: Татьяна Васильевна не решала ничего, пока не спросит хозяина, — нас пригласили выпить чаю, а придет хозяин, решит, сдавать ли комнату; а хозяин на все отвечал: — “как мать”. И против новых жильцов он не возражал, а с О. М. вскоре подружился — их объединяла общая страсть к музыке. К серебряной свадьбе сыновья — они вышли “в большие летчики” и один из них даже представлялся Сталину — подарили отцу патефон и кучу пластинок. То были все больше песни, модные тогда среди комсомольцев и военных. Старик предпочел сыновью “голодранству” несколько пластинок, раздобытых О. М. Бранденбургский концерт, какую-то церковную вещь Дворжака, старых итальянцев и Мусоргского. Пластинки добывались тогда с большим трудом и набор их был совершенно случайный, но мужчинам они доставляли массу радости. По вечерам, когда мы бывали в Калининe, они устраивали концерты, а Татьяна Васильевна ставила самовар и пила чай с домашним вареньем. За чаем О. М. обычно просматривал газету; хозяину, как кадровому рабочему, удалось выписать “Правду”.

Как я заметила, в рабочих семьях в то суровое время разговаривали гораздо более прямо и открыто, чем в интеллигентских. После московских недомолвок и судорожных оправданий террора мы терялись, слыша беспощадные слова наших хозяев. Нас ведь научили молчать, и Татьяна Васильевна на какую-нибудь уклончивую реплику О. М. говорила, с жалостью глядя на него: “Ничего

не поделаешь — все вы пуганные...”

Уже отцы и деды наших хозяев работали на заводах. Татьяна Васильевна не без гордости объясняла: “Мы потомственные пролетарии”. Она помнила политических агитаторов, которых ей приходилось в царские времена прятать у себя в доме: “Говорили одно, а что вышло!”. К процессам оба относились с полным осуждением: “Нашим именем какие дела творятся”, — говорил хозяин, с отвращением отбрасывая газету. “Их борьба за власть”, — вот как он понимал происходящее. Что все это называлось диктатурой рабочего класса, приводило обоих в ярость: “Заморочили вам голову нашим классом” или: “Власть, говорят, за нашим классом, а пойдешь, сунься — покажут тебе твой класс...” Я изложила старикам теорию о том, что классами руководят партии, а партиями вожди. “Удобно”, — сказал старик... У обоих было понятие пролетарской совести, от которого они не желали отказываться.

Татьяна Васильевна держала корову — “с одной рабочей зарплаты сынов не вырастишь, только корова и спасла”. Корова была единственной точкой соприкосновения этой семьи с деревней, потому что вся семья уже давно перекочевала в город — “в пролетарский класс”. А сено для коровы покупалось у колхозников, и сделка совершалась за столом — вокруг самовара. Татьяна Васильевна за этими чаепитиями наслушалась разговоров о коллективизации, планах и трудовнях... Однажды, разгоряченная очередным разговором, она, проводив гостей, пришла к нам в комнату и рассказала О. М., как ее старшего сына еще комсомольцем послали на раскулачивание. Он пробыл в деревне довольно долго и, вернувшись, ничего не сказал родителям, ни на один их вопрос не ответил, а вскоре совсем покинул их. “Что он

там творил? И не узнаешь! Зачем только растила...” Разговаривая с колхозниками, Татьяна Васильевна всегда прикидывала в уме, что там мог наделать в деревне ее первенец, а муж успокаивал ее: “Брось, мать, все они теперь такие...”

Мы вскоре заметили своеобразную черту наших хозяев —

Мария Петровых, Анна Ахматова, Осип Мандельштам. Нащокинский переулок февраль 1934 года

эти трезвые люди, так правильно судившие о нашей жизни, не одобряли никаких форм политической борьбы, никакой активности вообще. Читая отчеты о процессах, хозяин говорил: “Зачем лезли? Ведь зарплату хорошую получали”. Он все-таки подозревал, что какая-то ак-

тивность жертвами процессов проявлена была, а нас приводила в ужас мысль, что никто даже пальцем не шевельнул, чтобы помешать захвату власти Сталиным. Наоборот, все порознь помогали ему загонять в угол его очередную жертву. Но хозяин помнил, какими “они были раньше”, и поэтому подозревал, что “все-таки мельтешились”. А к О. М. оба относились хорошо, потому что считали его пассивной жертвой режима — “ему-то до власти никакого дела нет, он ведь просто свое сочинял...” Они были бы довольны сыновьями, если б те держались подальше от всякой политики, с властью имущими не знались и “из своего класса не уходили”. Любые виды сопротивления казались им бесполезными и просто ложными. Это и называлось у них “мельтешиться”. В Калинин нам пришлось впервые участвовать в

выборах. Пораженный их организацией, О. М. не знал, что ему делать. Он пробовал утешать себя: “Это только для начала, потом народ привыкнет и все будет нормально”, но затем говорил, что ни за что не станет участвовать в этой комедии. Хозяева спорили с ним. Первый их довод: “против рожна не попрешь”, второй: “чем мы лучше других — все пойдут, значит, и мы пойдём”, а последний и самый убедительный: “не заводись с ними, не отвяжутся”. С этим нельзя было не согласиться, особенно в нашем положении. И мы все пошли голосовать — хозяева в шесть утра, как им велели на заводе, а мы попозже — после завтрака.

В сущности, Татьяна Васильевна была законопослушницей, но не потому, что она уважала законы — к нашим, например, она относилась резко отрицательно, — из-за общей жизненной установки. Она считала первой своей обязанностью — жить, и ради этой цели следовало, по ее мнению, уклоняться от всяких лишних действий. Идея жертвенности или гибели ради идеи показалась бы ей высшей нелепостью. Она стояла на том, что “мы люди маленькие”, которым высовываться не с руки. И мы чувствовали некоторую надменность в этой позиции: наверху — борьба, злодейство, спекуляция на имени рабочего класса, принадлежность к которому она так остро ощущала, а она здесь ни при чем, у нее руки чистые, рабочие... Ее дело — жизнь и труд, а те пускай душу губят... При этом религиозности мы в ней не замечали, и в церковь она не ходила, хотя лампадку перед иконами жгла.

Минутами даже мы казались Татьяне Васильевне частицей суетных верхов. Это бывало, когда она нас подозревала в отсутствии жизненной стойкости, воли к жизни. Читая какие-нибудь циничные, страшные или дикие высказывания, О. М. часто

говорил: “Мы погибли...” Впервые он это произнес, показывая мне отзыв Сталина на сказку Горького: “Это штука сильнее “Фауста” Гете. Любовь побеждает смерть...”. Он сказал еще “Мы погибли”, увидав на обложке какого-то иллюстрированного журнала, как Сталин протягивает руку Ежову. “Где это видано, — удивлялся О. М., — чтобы глава государства снимался с министром тайной полиции”... Но дело было не только в том, кто был снят, но в выражении лица Ежова. “Посмотри, он способен на все ради Сталина”... Однажды за столом у Татьяны Васильевны О. М. прочел речь Сталина курсантам-выпускникам. Сталин пил за ту науку, которая нам нужна, а не за ту науку, которая нам не нужна... Слова эти звучали зловеще: раз есть наука, которая нам не нужна и чужда, мы ее уничтожим, вырвем с корнем... И О. М. сказал привычное: “Мы погибли...” Вот тут-то Татьяна Васильевна и ее муж разъярились: “Вам только гибнуть... еще накликаете... вы бы как жить подумали... вот учитесь, смотрите на нас — мы же живем... никуда не лезьте и живы будете...” “Первая обязанность человека — жить”, — резюмировал О. М.

Тверские ведомости. – 1991. – 19 – 25 января.

Н. Фадеева

“Попробуйте меня от века оторвать...”

Исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося поэта Осипа Эмильевича Мандельштама, чье литературное наследие долгое время не изучалось в связи с трагической судьбой автора, ставшего жертвой сталинских репрессий.

В областной библиотеке имени Горького организована первая развернутая книжная выставка «Попробуйте меня от века оторвать...», посвященная жизни и творчеству поэта.

Сын мелкого торговца, родившийся в Варшаве 15 января 1891 года и выросший в “среднемецанской” еврейской семье, будущий поэт получил прекрасное гуманитарное образование: учился в известном Тенишевском училище, слушал лекции по философии и филологии в Гейдельбергском и Петербургском университетах, занимался, в пушкинском семинаре Венгерова, владел несколькими европейскими языками.

Поэзия была содержанием и смыслом жизни Осипа Мандельштама, ради нее он жил, он сочинял, забывая обо всем, отдаваясь власти «блаженных слов», часами мог читать свои и чужие стихи.

Мандельштам был болезненно самолюбив и полон чувства собственного достоинства и самоуважения, он верил в свой талант и призвание, в свое жизненное долголетие и поэтическое бессмертие. А в реальной жизни был непрактичен и неприспособлен, боялся одиночества и тянулся к людям, но его доверчивость часто вызывала подозрения, и он попадал в трагикомические ситуации.

И вдруг неожиданно для окружающих этот бездомник и бесприютник обретает семейное счастье, встретив и полюбив Надежду Яковлевну Хазину, которая стала его верным другом и спутницей, а после смерти мужа сохраняла его наследие и оставила нам замечательные воспоминания, ставшие самостоятельным литературным памятником.

В одном из стихотворений 20-х годов Мандельштам не без горечи признается:

*Нет, никогда, ничей я не был современник,
Мне не с руки, почет такой...*

Но в том-то и дело, что именно Мандельштам, как никто другой, сумел побывать современником многих и многих людей, живших в разные столетия, и в то же время стать “человеком эпохи “Москвошвея”:

*Пора вам знать, я тоже современник,
Я человек эпохи Москвошвея. —
Смотрите, как на мне топорищится пиджак,
Как я ступать и говорить умею!
Попробуйте меня от века оторвать, —
Ручаюсь вам — себе свернете шею!*

Мандельштаму суждено было высказать двуединый характер эпохи, в которую он жил и погиб.

*Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви жирны,
А слова, как пудовые гири, верны.
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища...*

За эти стихи о Сталине, написанные в 1933 году, Мандельштам был арестован. Сначала последовала ссылка в Чердынь, потом воронежская ссылка и тверская...

Весной 1938 года снова последовал арест. Мандельштам был отправлен на Колыму, но, не доехав до пункта назначения, умер во

владивостокском пересыльном лагере, где и похоронен в братской могиле.

На выставке в областной библиотеке имени Горького пред-

Около 1925 года

ставлены различные издания произведений Мандельштама, публикации стихов и статей в периодических изданиях начиная с дореволюционного журнала “Аполлон”. Читатели познакомятся также с вышедшим к юбилею первым томом сочинений Мандельштама, с публикациями, статьями, воспоминаниями о его жизни и творчестве.

Надежда Яковлевна Мандельштам, жена поэта, написала две книги: первая — “Воспоминания” — писалась в самом начале шестидесятых годов. Опубликована за границей и вернулась домой только в семидесятом году. “Вторая книга” была написана в семидесятом году, уже через два года опубликована в Париже.

Это совершенно самостоятельное произведение, в котором Надежда Яковлевна описывает свою жизнь начиная со встречи с Мандельштамом 1 мая 1919 года, рассказывает об их жизни в 20-е годы и начале 30-х годов, о литературном окружении — Ахматовой, Гумилеве, Чулкове, Зенкевиче и многих других.

Из воспоминаний Надежды Яковлевны Мандельштам и других их семьи по воронежской ссылке Натальи Евгеньевны Штемпель мы узнаем о том, как Мандельштам некоторое время жил в Савелове и Твери.

Для нас Савелово важно не потому, что Мандельштам провел

там несколько летне-осенних месяцев после воронежской ссылки. Нельзя сказать, что он жил там, он остановился в Савелове как на пересадочной станции, ожидая возможности еще раз начать жизнь, вернуться к сколько-нибудь устойчивому существованию. Нас интересует Савелово по тому, что здесь были написаны последние из известных стихов Осипа Мандельштама;

*На откосы Волга, хлынь, Волга, хлынь,
Гром, ударь в тесины новые,
Крупный град, по стеклам двинь, — грянь и двинь, —
А в Москве ты, чернобровая,
Выше голову закинь...*

Вот строки из воспоминаний Натальи Евгеньевны Штемпель о январских днях 1938 года:

“...Они жили в Калининe на окраине города. Вспоминаю занесенные снегом улицы, большие сугробы, опять почти пустую холодноватую комнату без намека на уют. У обитателей этой комнаты, очевидно, не было ощущения оседлости. Жилье и местожительство воспринимались как временные, случайные. Не было и денег — ни на что, кроме еды. А главное — равнодушие к вещам, одежде, отсутствие которых, мне кажется, не портило настроения...”

По воспоминаниям Надежды Яковлевны Мандельштам жили они в Калининe на 3-й улице Никитина в доме Травниковых. В этом доме хранились рукописи Мандельштама после его ареста. В нем жила Надежда Яковлевна до самой эвакуации в начале войны.

При жизни Осипа Мандельштама называли последним донкихотом, а мы, живущие на пороге XXI столетия, видим в нем трагического поэта, обладавшего пророческим даром, и его поже-

вание читателям не забывать, что “счастливое небохранилище — раздвижной и прижизненный дом” воспринимаем как завещание, обращенное ко всему человечеству.

Наконец, к нам возвращается его творчество. Свидетельство тому книжная выставка в областной библиотеке имени Горького, где собрано свыше 200 названий произведений поэта, книг и статей о его жизни и творчестве.

Тверская жизнь. – 1991. – 22 января.

Михаил Колкер

Две встречи

*Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав.
Жаркой шубы, сибирских степей.*

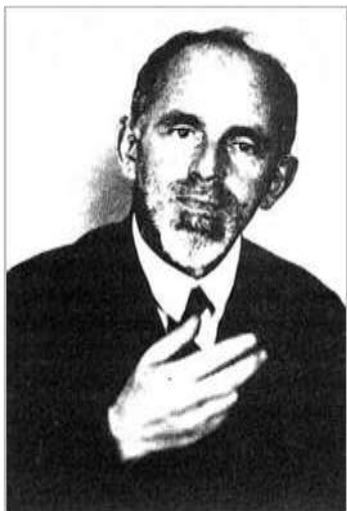
Эти знаменитые строки Осипа Мандельштама все время крутились у меня в голове, когда на редакционной машине улицу за улицей мы буквально прочесывали Заволжский район Твери, а точнее — ту его часть, которая расположена между улицей Скворцова-Степанова и Санкт-Петербургской заставой. 3-я улица Никитина, дом 43... Где эта улица, где этот дом? И опять: “Мне на плечи кидается...”

Наверное, такая же смурная зимняя погода была и тогда, в страшном 1938 году, именно где-то здесь брел сквозь январскую стылую порошу один из самых замечательных поэтов двадцатого

века Осип Эмильевич Мандельштам.

В том, что опальный поэт провел почти четыре месяца в Калининe, никакой сенсации нет. Место последней мандельштамовской ссылки давно известно. Именно отсюда он отправился в свой последний крестный путь, чтобы погибнуть эком-доходягой в пучине Дальлага.

— А ведь жива женщина, которая очень хорошо знала Мандельштама, когда он жил у нас в городе, — сказал как-то мой приятель.

*Осип Мандельштам. Москва.
Февраль 1934 года*

Вот с этого все и началось. Но об удивительной встрече с Натальей Петровной Резниковой чуть позже...

А пока мы колесим по выстуженному Заволжью и ищем место последнего пристанища поэта.

Оказалось, что из четырех улиц Никитина, существовавших в Заволжском районе до войны, на сегодняшний день осталось только две. Одну мы нашли сразу — она идет параллельно улице Горького, начинается от Скворцова-Степанова и заканчивается у

Санкт-Петербургской заставы. Но эта улица оказалась совсем не той, которая нас интересовала. Старых домов на ней практически не сохранилось, а в тех двух жалких развалюхах, которые до сих пор стоят, жильцы о 3-й улице Никитина и слыхом не слыхивали. Не знали о ней и в Заволжском РОВД. Правда, там нам показали подробную карту района, из которой мы уяснили, что есть еще одна улица Никитина, пересекающая основную от магазина

“Природа” на улице Горького и идущая до Химбазы.

А дальше были сидение в библиотеке и карта довоенного Калинина. Да, действительно, до начала шестидесятых годов практически все Заволжье было застроено деревянными частными домами. И действительно были три улицы Никитина, точнее — четыре: одна основная, сохранившаяся до наших дней, и три ее пересекающие. Нам повезло: третьей улицей Никитина оказалась там самая, идущая от магазина “Природа”. На карте был даже обозначен дом № 43. Он находился где-то в районе теперешнего бульвара Шмидта. Сегодня на этом месте стоит унылая блочная пятиэтажка. Вот так... “Ни креста, ни погоста...” напишет почти через тридцать лет другой опальный поэт.

Теперь о Наталье Петровне Резниковой. Это, как говорится, совсем особенная история. Безусловно, первоначально я заинтересовался этой женщиной только потому, что она была знакома в том самом траурном году с Осипом Мандельштамом. Но проговорив с ней два часа в палате областной больницы, куда Наталья Петровна попала после сильнейшего приступа стенокардии, понял, что судьба этой женщины сама по себе безумно интересна. Сколько раз я уже сталкивался с какой-то особенной, ни на что не похожей общностью судеб людей довоенного поколения. Удивительно, как они, пройдя через столько испытаний, смогли сохранить в себе внутренний человеческий стержень. Может быть, дело как раз в том, что этому поколению пришлось испытать такое...

— Мы жили в соседнем доме. У них был сорок третий номер, а у нас — сорок пятый. В том году мне было двенадцать лет, так что я все прекрасно помню. В то время наш район был городской окраиной, почти деревней. Каждый вечер около колодцев — тогда еще колонок не было — собирались женщины, ну и естественно,

обсуждали все и вся. Мандельштама окрестные бабоньки называли между собой “ушастый”. О том, кто он и чем занимается, практически никто не знал. Говорили, что, вроде бы, писатель, что из Москвы, что политический. Тогда всех, кто приезжал к нам на высылку — а было таких людей немало, — называли троцкистами. Вот и к Мандельштаму приклеилась кличка “ушастый троцкист”.

Кстати, в это же время в Твери отбывал ссылку еще один “троцкист” — Николай Эрдман. Встречались ли они с Осипом Мандельштамом, до сих пор доподлинно не известно.

— Я хоть еще совсем девчонкой была, все-таки заметила, что новый жилец в доме № 43 какой-то необычный. Там жила рабочая семья — толи Тепловы, то ли Тепляковы, сейчас уже и не помню. Помню только, что сыновья у них были летчики. И мы все, девчонки, бегали на них смотреть, когда они приезжали в отпуск. И вот в этом доме появился ни на кого не похожий человек в кожаном пальто, с действительно сильно оттопыренными ушами. Казалось, он ни секунду не может усидеть на месте. Все время ходил, чуть ли не бегал по двору. Со стороны мне это казалось очень смешным. И вот как-то однажды вечером я решила к нему подойти. Не помню сейчас, какую причину придумала, наверное, глупость — что может придумать девчонка в двенадцать лет? Но оправдываться мне не пришлось.

“Тебя как зовут?” — “Наташа...” — “А меня Осип Мандельштам... Ты в школе хорошо учишься?” — “Хорошо...” — “А стихи любишь?” — “Нет, не люблю”.

Действительно, в то время я к стихам относилась, мягко говоря, прохладно. В школе нам говорили, что лучшим поэтом нашего времени является Маяковский, заставляли учить Демьяна Бедного и Тихонова.

— Есенина читала?

Есенин для нас был чем-то запретным. Его стихи ходили в списках, и если бы учитель литературы узнал, что ты читаешь Есенина, можно было бы и из школы вылететь. Поэтому отвечать на этот вопрос я не стала.

— А Блока?

И тут он, продолжая мерить своими шагами маленький двор соседнего дома, стал читать мне чудесные стихи — такие, которые я раньше никогда не слышала:

*Мой милый, будь смелым и будешь со мной,
Я вишеньем белым качнусь над тобой...*

Эти строчки мне так врезались в память, что через много лет, открыв томик Блока, сразу узнала то стихотворение, которое мне морозным вечером читал странный “ушастый троцкист” в кожаном пальто.

После того памятного вечера Наталья Петровна с Мандельштамом не встречалась.

— Потом у нас были разговоры, что “троцкиста”, вроде бы, простили и разрешили опять жить в Москве. И только вначале шестидесятых я узнала по-настоящему, кто был нашим соседом. Тогда же узнала и о его судьбе...

Сама же героиня моего рассказа через три года пошла на курсы медсестер, и уже в декабре сорок первого года на нее в санитарном поезде дохнула война: на операционном столе лежал юноша, почти ровесник, оскальпированный осколками гранаты.

— В сорок четвертом на Белорусском фронте познакомилась я с молодым капитаном. Был он стройным, подтянутым. В общем, влюбилась в него, а он в меня. И как-то вечером, когда наш роман

только начинался, он мне прочитал:

*Я ненавижу свет однообразных звезд,
Здравствую мой давний бред,
Башни стрельчатый рост.*

И спросил: “Ты знаешь этого поэта?” — “Нет” — “Это Осип Мандельштам”.

Вот так я встретила с ним во второй раз. Судьба Наталью Петровну не баловала. Фронтовой роман со стройным, подтянутым офицером перерос в настоящую любовь. Они поженились. В сорок шестом, после демобилизации капитан стал инженером, да вот только с фамилией ему не повезло. Была она не Иванов или Сидоров, а Брунштейн. Так что в конце сороковых бывшего капитана не уберегли ни фронтовые награды, ни место главного инженера на одном из уральских металлургических заводов. В период “борьбы с космополитизмом” загремел он по печально известной 58-й статье на 15 лет. Да так в лагере и сгинул...

Наталью Петровну, естественно, после ареста мужа с работы уволили, а трудилась она старшей операционной медсестрой. Городок был маленький, и устроиться еще где-нибудь, хотя бы уборщицей, жене “проклятого космополита” было практически невозможно. А ведь подрастало двое сыновей... Вот и пришлось Наталье Петровне возвращаться в Калинин к родителям. На ту самую 3-ю улицу Никитина.

Родители через пять лет умерли, дом по хрущевскому плану реконструкции снесли. И получила Наталья Петровна обычную двухкомнатную квартирку в районе улицы Склизкова, где с тех пор и живет. Сыновья выросли и разъехались: один в Москве, другой — в Нижнем Новгороде. Мать все больше хворать стала —

возраст дает о себе знать...

Когда я приехал к Наталье Петровне Резниковой в больницу еще раз, в палате ее не оказалось. Медсестры сказали, что за ней приезжал сын из Москвы и забрал с собой. Будто бы хотят они тверскую квартиру продавать, а мать переберется насовсем в столицу. Где теперь искать Наталью Резникову, которой холодной зимой тридцать седьмого “ушастый троцкист” Осип Мандельштам читал стихи Александра Блока?..

Вече Твери. – 1998. – 28 февраля.

Юрий Шарков

Я вернулся в мой город родной...

Великому русскому поэту Осипу Мандельштаму, 110-летие со дня рождения которого будет широко отмечаться во всем поэтическом мире 15 января, древняя Тверь в 1937 - 1938 годах предоставила кров, друзей и почитателей.

Душевными, культурными и глубоко интеллигентными оказались хозяева дома № 41 на 3-й улице Никитина в Заволжье.

О них, о супругах Травниковых, много теплых слов скажет жена поэта Надежда Яковлевна в своих воспоминаниях. И этот деревянный дом, исчезнувший в годы нашего беспамьяства, где в

1914 год

бельевых корзинах хранились рукописи поэта, западет в сердца гостеприимных супругов.

Но время берет свое. Потихоньку исчезает улица. У нее иное имя — убиенного царизмом террориста и подающего надежды исследователя Александра Ульянова.

После первого ареста, воронежской ссылки, переменив много городов, Мандельштамы в 1937 году оказались на тверской земле, в Савелове, где прожили несколько месяцев.

Исаак Бабель, боец и летописец, певец конармии Буденного, в то время друг чекистов, посоветовал супругам переселиться в Тверь, где на 101-м километре бедовал Николай Эрдман, советский Гоголь, впавший в немилость вождя.

Мандельштамы не раздумывали. Встретивший их в Твери Эрдман через знакомых подыскал квартиру. Здесь с согласия Травниковых их... пропишут. С тверской пропиской поэт будет арестован в доме отдыха под Москвой в день Первомая 1938 года. И продолжит свой путь на Голгофу тверич по прописке, читающий "... Петrarку, Иоська Мандельштам".

В уютный дом на тверской окраине ему не суждено будет вновь постучаться...

Но память о поэте стучится в сердца тверичей. Наш земляк, артист Московской филармонии Алексей Злаказов предложил увековечить имя Мандельштама в названии одной из улиц Заволжья. Он полагает, что к топонимическому лицу города подошел бы топоним "улица Мандельштама" вместо существующего "улица Благоева", утверждающего неведомый вклад в "дело Твери" болгарского социал-демократа...

Это предложение артиста на своем совете обсудило Тверское отделение историко-просветительского общества "Мемориал" и

полностью его поддержало.

Ведь и этой улицей следуют в свою alma mater студенты юрфака ТвГУ — надежда страны, истосковавшейся по справедливости и твердой руке просвещенного президента-юриста... Который делает все, чтобы люд российский жил, под собою чужа страну, чтобы речи его и чаяния были слышны в Кремле, парламенте.

Не знаю, читают ли будущие юристы Мандельштама, но полагаю, что если Злаказова и “Мемориал” поддержит комиссия по топонимике при администрации города, глава города Твери и широкая общественность, то читать будут. И глядишь, перестанет вовсе земля тверская рожать “хватов”, пытавших кроме академика Николая Вавилова и своих земляков, давать приют во внутренних своих органах ежовым... В том и сила топонимов — названий мест, что они участвуют в формировании духовной ауры земли, на которой мы живем, по которой мы ходим.

От нас всех зависит, вернется ли “... в город родной...” поэт Осип Мандельштам, возобновится ли у него вновь официальная тверская прописка.

Вече Твери. – 2001. – 12 января.

Алексей Злаказов

Это какая улица?

*Я буду метаться по табору улицы темной
За веткой черемухи, в черной рессорной карете,
За капором снега, за вечным, за мельничным шумом...*

Есть поэты-первооткрыватели, новаторы, опережающие свое время. Им всегда трудно, они непонимаемы или незамечаемы порой самыми прозорливыми из современников. По-настоящему ценить и пользоваться их открытиями начинают через много лет после их смерти. И тогда приходит прочная и неизбежная слава. Из когорты таких поэтов - Осип Мандельштам. Его гениальность уже общепризнана. Главные его открытия - в языке: он заговорил “на языке всех времен, всех культур”. Вернее, расширил рамки поэзии и наши представления о том, какова может быть поэзия. “Живое слово не обозначает предмета, а свободно выбирает как бы для жилья ту или иную предметную значимость”.

*Но все же скрипели извозчичьих санок полозья,
В плетенку рогожи глядели колючие звезды,
И били вразрядку копыта по клавишам мерзлым».*

Как интересно, и трудно, и радостно произносить такой образный, неоднозначный, таинственный текст. И что самое радостное - такие блестящие на каждой странице его книг в каждом стихотворении.

Так уж случилось, что последнее “свободное”, т.е. до второго ареста время своей жизни поэт связал с городом Калинин. Зимой 37-38-го годов супруги Мандельштамы провели в нашем городе. Почему здесь? Пожалуй, случайность. Один хороший человек посоветовал, другой помог найти комнату. А они сами после

*Портрет О. Мандельштама
работы С. Галлербаха. 1923 г.*

первого ареста и ссылки в Воронеж уже устали от бездомности, безработицы, безденежья. Относительно тихая временная пристань в виде комнаты в частном деревянном доме была найдена в Калининне у неких супругов Травниковых (простых, хороших людей - повезло!) по адресу: ул. 3-я Никитина, д. 43 (ныне ул. А. Ульянова). От вокзала (частенько приходилось наезжать в столицу) чаще всего топали пешком в неблизкий Заволжский район. Кстати, ни дома, где жили Мандельштамы, ни даже улицы этой толком уже нет, ныне по ул. А. Ульянова сохранилось лишь несколько домов с начальной нумерацией.

Жизнь в Калининне потом будет описана в воспоминаниях Надежды Яковлевны Мандельштам не слишком подробно. Они подружились с хозяевами - простыми людьми, понимающими, что происходит в стране, и не одобряющими репрессии. Здесь Мандельштамы принимали участие в первом после их поражения в правах голосовании. Голосовали, конечно, через силу, но лишние неприятности были ни к чему. Что еще? Были незначительные радости и огорчения. Событием в их жизни могла быть какая-то работа, публикации, но об этом они уже и не мечтали. Все же были стихи.

*И в яму, в бородавчатую темь
Скольжу к обледенелой водокачке
И, спотыкаясь, мертвый воздух ем,
И разлетаются грачи в горячке!*

*А я за ними ахаю, крича
В какой-то мерзлый деревянный короб:
«Читателя! советчика! врача!
на лестнице колючей разговора б!»*

Мандельштам предчувствовал, что конец неизбежен, что в покое не оставят. Дают путевку в подмосковный санаторий (как оказалось потом, чтобы долго не искать) и 1 мая 1938 года (в праздник!) Осипа Эмильевича арестовывают. Через несколько месяцев он погибнет в лагере. А Надежда Яковлевна сразу после его ареста срочно едет в Калинин спасать оставшиеся на ул. 3-й Никитиной стихи. Хозяин комнаты, узнав об аресте Мандельштама, заявляет: “Если таких берут, это уж последнее дело, твой муж никого обидеть не мог”. Надежда Яковлевна, забрав вещи, поспешно исчезает из Калинина, предчувствуя, что скоро сюда придут с обыском (что и случилось). Вот, собственно, и все. Калининский период поэта закончен.

*И только и свету - что в звездной колючей неправде,
А жизнь промелькнет театрального капора пеной,
И некому молвить: “Из табора улицы темной”...*

А теперь задумаемся: если великий поэт жил в нашем городе, пусть даже короткое и не совсем счастливое для себя время, что должны сделать мы, живущие во времена совсем другие, чтобы почтить его память? Улица Мандельштама должна быть в нашем городе! Необходимость такого шага совершенно ясна для любителей поэзии, да и вообще для любого культурного человека. Сейчас собираются подписи под обращением в городскую администрацию. С горечью думаю, что наверняка найдутся противники этой идеи. Их аргументы очевидны, о них и говорить не хочется. Думаю, это экзамен, который ставит нам время. Выдержим ли мы его? Или нам сейчас по плечу называть улицы только в честь сомнительной деятельности бывших первых секретарей обкома? Этого достойны люди, чьи творения

беспорны и бессмертны.

*На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.
Запечатлеется на нем узор,
Не узнаваемый с недавних пор.
Пускай мгновения стекает муть,
Узора милого не зачеркнуть.*

Вся Тверь. – 2001. – 19 января.

Сергей Глушков

В поединке с веком

В житейском смысле Осип Эмильевич был человеком скорее робким. Боялся собак, хулиганов, не любил ходить поздно в одиночку. Его ранние стихи были пронизаны мечтой об обретении первозданного единства музыки и слова, о чистоте “детских дум” и “детских книг”, искренним желанием “все большое далеко развезать”. Но когда, по его же выражению, “в жизни слова наступила героическая эра”, поэт обрел удивительную отвагу, давшую ему силы поднимать “болезненные веки” “веку-властелину”. Не бессильные проклятия, не бегство, не жизнь “применительно к подлости”, но мужественное обличение “времен обманных и глухих” избрал этот робкий человек.

Внешность у Мандельштама тоже была не героическая и даже не поэтическая: невысокий рост, короткая шея и слегка оттопыренные уши. Из-за них бабки в тверском Заволжье прозвали его “ушастым троцкистом”. “Троцкистами” тогда назы-

вали всех сосланных, каковых в Калининне конца 30-х годов было немало.

Наш город в ту пору, по выражению Надежды Яковлевны, жены поэта, пронзал “ветер ссылок и правительственных гонений”. “Мы погибли”, — беспрестанно повторял Осип Эмильевич в эти суровые осенние и зимние месяцы 1937-1938 годов, имея в виду, конечно же, не только себя и жену.

При всем том тверскую главу своих “Воспоминаний”

Осип Мандельштам. Фотография из следственного дела. 1938 год

Надежда Яковлевна назвала “Последней идиллией”. Поводом для этого “идиллического” названия стали отношения, сложившиеся между ними и семьей Травниковых, в доме которых поэт получил последнюю в своей жизни прописку. Потомственные тверские пролетарии, как они сами себя называли, то суровое время определяли

куда более прямо и открыто, чем запуганные московские интеллигенты, и к своим квартирантам относились вполне сочувственно. Правда, лишь потому, что видели в опальном сочинителе пассивную жертву режима. Политическую борьбу во всех ее видах Травниковы считали делом вредным и опасным.

Самый интересный эпизод этой главы связан с первыми выборами по “сталинской” конституции, от участия в которых Мандельштам хотел уклониться, говоря, что “ни за что не станет участвовать в этой комедии”. Однако в возникшем по этому поводу споре верх, как ни удивительно, одержали малограмотные

хозяева, убедившие квартирантов в том, что с этой властью лучше “не заводится” - все равно, мол, не отвяжутся. И Мандельштамы пошли на выборы, найдя, видимо, утешение в том, что и здесь они, как писала Анна Ахматова, оказались со своим народом - там, “где мой народ, к несчастью, был”.

Может, был особый промысел в том, чтобы в предгибельную свою пору русский поэт оказался на берегах Волги, которая, кстати, в ту пору тоже испытывала потрясения. До Калинина Мандельштамы несколько месяцев прожили в Савелове, где чувствовалась близость Калязина, который в то время затоплялся в рамках “великого плана преобразования природы”, творимого рабским трудом тысяч заключенных Дмитровлага. Там Осип Мандельштам написал свое единственное “волжское” стихотворение: “На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь. Гром, ударь в тесины новые...”, в котором трагедия страны преломилась в трагическом разломе природного мира.

*“Ах, я видеть не могу, не могу
Берега серо-зеленые:
Словно ходят по лугу, по лугу
Косари умалишенные...”*

Трудно сказать, кого имел в виду поэт, говоря о “косарях умалишенных”: тех ли, кто косил людей, как траву, полагая, что “русская баба новых нарождает”, или тех, кто покорно “вставал на трудовую вахту”, следуя указаниям безумных вождей.

Язык поэзии Мандельштама сложен, напряженная метафорическая связь образов неочевидна и зачастую непереводаима на язык привычных житейских понятий. Поэт ждет от читателя не столько

понимания, сколько постижения, близкого к вере. Не случайно так вдохновляла его божественная многозначность Священного Писания. В статье “Слово и культура” он прямо отождествлял миссию культуры и миссию церкви: “Светская жизнь нас больше не касается, у нас не еда, а трапеза, не комната, а келья, не одежда, а одеяние”. Христианство для него было сутью культуры, и все, несовместимое с христианством, не совмещалось и с культурой. И как ни страшила его Голгофа, на которую влекла эта вера, уклониться от нее он не мог — хотя и пытался, когда, например, писал стихи о Сталине, которые должны были “уравновесить” его самоубийственное “Мы живем, под собою не чуя страны...”.

И последнее, что хотелось бы сказать в связи с юбилеем. Судьба Осипа Мандельштама определилась почти исключительно соединением бесспорной гениальности с мученическим венцом. Он, безусловно, поэт будущего. И о наших временах потомки будут судить в том числе и по тому, как мы чтим его память. Увы, нам нечем гордиться. В городе, ставшем последним пристанищем поэта, ничто не напоминает о нем: ни улицы его имени, ни хотя бы библиотеки, ни даже обыкновенной мемориальной доски на том месте, где когда-то стоял дом, в котором он обитал. Мы упорно держимся за улицы, носящие имена террористов и “тонкошеих вождей”. Но именем Мандельштама мы даже камень не назовем. И потомки справедливо назовут нас беспмятными.

Тверская жизнь. – 2006. – 17 января.

Павел Нерлер
Слово и дело Осипа Мандельштама
(часть главы из книги)
«Общественный ремонт здоровья», или отдых
в западне

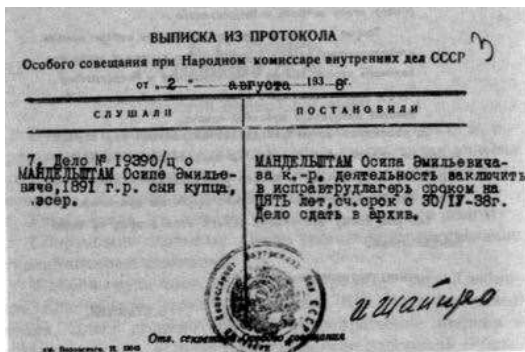
Поздней осенью 1937 года Мандельштамы поселились в Калинин — с легкой руки Исаака Бабея, сказавшего: “Поезжайте в Калинин, там Эрдман, — его любят старушки...” Надежда Яковлевна потом вспоминала, как Николай Эрдман, сам живший в маленькой узкой комнатке, где помещались только койка и столик, помогал им устроиться: “Когда мы пришли, он лежал — там можно было только лежать или сидеть на единственном стуле. Он немедленно отряхнулся и повел нас на окраину, где иногда в деревянных собственных домах сдавались комнаты. Навещал он нас довольно часто”.

Приехали Мандельштамы, вероятно, 5 ноября, ибо 6-го они уже были в Калинин. Остановившись в лучшей тверской гостинице “Селигер”, первым делом написали по письму Кузину, сложили в общий конверт и отнесли на почту (а Надежда Яковлевна послала вдогонку в этот день еще одно письмо!). Письмо Мандельштама вполне себе бодрое, даже радостное, он не жалуется, а как бы отчитывается за все время отсутствия вестей друг о друге: “Жизнь гораздо сложнее. Много было трудностей, болезней, работы. Хорошего было больше, чем плохого. Написана новая книга стихов. Сейчас мною занялся Союз Писателей: вопрос об этой книге и обо мне поставлен, обсуждается, решается.

Кажется, назревает в какой-то степени положительное решение”. Кончается письмо так: “Хочу вас видеть, и если не вы, то я — когда-нибудь да приеду. Мы легки на подъем”.

К 17 ноября 1937 года вопрос с квартирой, а стало быть, и с местом постоянного проживания решился. Прописался в Калинин, в доме П.Ф. Травникова по адресу: 3-я Никитинская ул., 43.

В тот раз Мандельштамам повезло. Узнав их голоса, из одного дома вышел жилец, ленинградец, бывший секретарь П.Е. Щеголева, и его хозяйка, поняв, что наниматели не проходимцы, сразу же сдали им комнату в своей пятистенке.

Выписка из протокола Особого совещания при НКВД СССР. 2 августа 1938 г.

Посвятив хозяйке и ее семье отдельную главку в первой книге воспоминаний (“Последняя идиллия”), Надежда Яковлевна назвала лишь имя и отчество хозяйки — Татьяна Васильевна, а заодно и профессию хозяина — рабочий-металлург. Но из различных “дел” Мандельштама мы узнаем и их фамилию — Травниковы, и имя хозяина — Павел Федорович, и даже сроки их проживания (точнее, прописки) у Травниковых — с 17 ноября 1937 года по 10 марта 1938 года, после чего Мандельштам “со всем своим семейством выехал на постоянное жительство в г. Москву”.

Сначала Мандельштамы поселились, по-видимому, в отдельной комнате, может быть, на утепленной террасе. Но там было очень холодно, и со временем (наверное, уже в ноябре) они переместились на теплую половину дома. В этот день они

написали Кузину:

“Дорогой Борис Сергеевич!

<...> А у нас? На стенах эрмитажные фото: Рюисдаль, Рубенс, Рембрандт, Тенирс, Брейгель, Madonna Litta, Madonna Venua, а также рядом как лубки: в красках извозчик Монэ, девушка в кафэ Ренуара и мужчина Сезанна. Все это приколото иголками и патефонными булавками.

Сегодня мы переезжаем на теплую половину дома, под защиту бревенчатой стены. Ход через хозяев. Между нами и стариками также неполная перегородка. Это выйдет много спокойнее. Тверской говор радует слух. И в Воронеже я много слушал живую речь. Особенно женщины приятно говорят по-русски. Но здесь, в Калининe, — настоящая академия живого языка, гибкого, оборотистого, в меру жесткого.

Испанским я занимался. В Воронеже отличные книжные фонды в Университете. Читал Сида (великолепно), романтиков в изд<ании> бр<атьев> Гримм и многотомную коллекцию кастильских классиков.

Однако не узнал кастильских форм на винной этикетке (Castel de Romeu) — белое сухое вино и был посрамлен Львом Никулиным.

Несмотря на болезнь, я пью легко и охотно. Вот увидите, когда встретимся. Книга моя будет для вас большой неожиданностью. Более характерное на днях пришлю. Сейчас мои стихи читает Ставский. Жду оценки. Сейчас не работаю. Стариной заниматься не хочу. Хочу двигать язык, учиться и вообще быть с людьми: учиться у них.

Пожалуйста, не скрывайте своей болезни. Т. в. с. так легко не проходит. Вы живете в очень вредном для вас климате. Не

поговорить ли с кем-нибудь о новой работе, где-нибудь в средней полосе?

Сейчас же на это ответьте. До свиданья.

Жму руку. Ваш О. М.”

Мужчины вскоре подружились, а Мандельштам раздобыл пластинки (Баха, Дворжака, Мусоргского, итальянцев). По вечерам устраивались концерты, Татьяна Васильевна ставила самовар и угощала всех чаем с вареньем, и Осип Эмильевич все норовил заварить чай сам, по-своему, и изо дня в день упорно просматривал “Правду”, на которую был подписан хозяин. Уже одним своим видом газета, именно тогда и попавшая в мандельштамовские стихи, будоражила воспоминания о том, что впоследствии назовут Большим террором: “Вот „Правды“ первая страница, / Вот с приговором полоса...”

Не раз и не два, вспоминала Надежда Яковлевна, Мандельштам, прочтя в газете что-нибудь новое — шельмующее или угрожающее, — ронял: “Мы погибли!” А хозяева махали на него руками, сердились: “Ещё накликаете!.. Никуда не лезьте – и живы будете”

Пятистенка Травниковых не сохранилась. Однако образ ссыльного поэта запечатлелся в памяти 12-летнего ребенка яркой картинкою. Взрослые тогда всех ссыльных называли “троцкистами”, а Мандельштама и того красочней — “ушастый троцкист”. 12-летней девочке очень хотелось с ним заговорить, но она все не решалась. Но однажды разговор состоялся. Прощаясь, Мандельштам прочитал девочке стихи — не свои, а Блока, и все это стало для нее событием – воспоминанием на всю жизнь.

Кроме Эрдмана и секретаря Щеголева в Калининне была еще одна знакомая душа, причем давняя (с 1923 года) — Елена

Михайловна Аренс (1904 — 1988). Выйдя замуж за дипломата, она пожила и в Америке, и в Италии, но пришел черед отправиться и в Калинин — на правах ссыльной. Рассказывая в апреле 1983 года о калининском житье-бытье, она вспоминала необычайно живые, умные и веселые глаза Осипа Эмильевича. Свою жену он ласково называл “моя нищенка”. Елена Михайловна изредка навещала Мандельштамов, куда чаще они заходили к ней, и это было к лучшему, поскольку в ее доме почти всегда было чем угостить поэта и его верную “нищенку”.

Несколько раз к Мандельштамам приезжали близкие люди: Евгений Яковлевич, брат Надежды Яковлевны, и, конечно же, “ясная Наташа” — Наталья Евгеньевна Штемпель, гостившая у них несколько дней на зимних каникулах. Ей запомнились “занесенные снегом улицы, большие сугробы, опять почти пустая холодноватая комната без намека на уют. У обитателей этой комнаты, очевидно, не было ощущения оседлости. Жилье и местожительство воспринимались как временные, случайные. Не было и денег — ни на что, кроме еды”

Новый, 1938 год начинался трудно, скверно, грозно.

В самом его начале — разгром Государственного театра имени В.Э. Мейерхольда: 8 января в “Правде” появился приказ Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР о его ликвидации. Мандельштам узнал эту новость, что называется, из первых рук — именно 8 января он ночевал у Мейерхольда. Приехал же он в столицу, скорее всего, за денежным пособием, выделенным ему Союзом писателей. Но и пособие ничего бы не поменяло: становилось понятно, чем все это пахнет. 21 января 1938 года Надежда Яковлевна писала Б.С. Кузину: “Я все жду, чтобы Ося написал вам, но он как-то так съезжился, что даже

письма написать не может”.

Действительно, переписка Мандельштама за этот год крайне скудна: письмо В.П. Ставскому, несколько писем Б.С. Кузину, письмо из Саматихи отцу и последнее — лагерное — письмо брату. Первое из сохранившихся писем Кузину датировано 26 февраля:

“Дорогой Борис Сергеевич!

Хочу написать вам настоящее письмо — и не могу. Все на ходу. Устал. Все жду чего-то. Не гневайтесь. Пишите сами и простите мою немоту. Очень устал. Это пройдет. Скучаю по вас.

О. М.”

Памятник в Москве

фической карты.

С началом бухаринского процесса, связь которого со всеми последующими событиями невозможно отрицать, совпал и последний — нелегальный — приезд Мандельштамов в Ленинград в начале марта. Была в этой поездке самая что ни на есть про-

С приходом весны атмосфера стала еще тревожной, еще наэлектризованной. Гроза же грянула 2 марта, с началом процесса над группой Бухарина — Рыкова (закончился 13 марта), давшего толчок новой волне репрессий — теперь уже бериевских. Одновременно грозовая туча нависла и на внешнеполитическом горизонте: 11 марта Гитлер вошел в Австрию, преподав Европе короткий и ясный урок “кройки и шитья” ее геогра-

заическая цель — собрать по знакомым хоть сколько-нибудь денег на дальнейшую жизнь. Хлопоты на сей раз оказались пустыми: из тех, кого еще не арестовали, никто и ничего не сумел или не захотел дать.

Именно тогда — между 3 и 5 марта — Ахматова и Мандельштам увиделись в последний раз. Надежда Яковлевна вспоминала: “Утром мы зашли к Анне Андреевне, и она прочла О. М. обращенные к нему стихи про поэтов, воспевающих европейскую столицу... Больше они не виделись: мы условились встретиться у Лозинского, но нам пришлось сразу же от него уйти. Она уже нас не застала, а потом мы уехали, не ночуя, успев в последнюю минуту проститься с ней по телефону”.

По телефону... К этому приезду уже начали сбываться самые мрачные пророчества Мандельштама о “мертвецов голосах” и о “гостях дорогих”. Лившицу, Стеничу, Выгодскому — многим из самых близких ему людей — было уже не позвонить. Их арестовали кого осенью, кого зимой...

С Беном Лившицем не удалось проститься и в предыдущий приезд — летом 1937 года. На ранний, с вокзала, звонок Тата (Екатерина Константиновна) Лившиц мужа будить не стала, за что потом была жестоко отругана; весь день Бенедикт Константинович просидел у телефона, словно догадывался или предчувствовал, что этот их тысяча первый за жизнь разговор, если бы он состоялся, был бы последним. Но Мандельштам так и не позвонил.

Около 6 марта Мандельштамы вернулись в Калинин, быстро-быстро собрались и после очень трогательного расставания с Травниковыми, выписавшись и оставив у них корзинку с архивом, уехали через Москву в Саматиху.

Виктор Чудин

Тверитянин Осип Мандельштам

В ноябре 1933 года Осип Эмильевич написал об Иосифе Виссарионовиче стихотворение:

*Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи на десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища...*

Эти в общем-то не обязательные для творчества Мандельштама строки самым трагическим образом отразились на всей дальнейшей жизни поэта, скупой отмеренной его обидчивым персонажем.

Моментальный арест, ссылка в Воронеж, скитание по разным городам и неприметным поселкам в надежде затеряться, скрыться от ненасытной мести “кремлевского горца” уместились в четыре тревожных года. И вот показалось, что уязвленное самолюбие диктатора

Осип Мандельштам Москва. 1923год, любимое фото Надежды Яковлевны Мандельштам

удовлетворено: Мандельштамам было дозволено поселиться в Твери (тогда Калинин). Однако в мае 1938 года он был вторично арестован. Погиб Мандельштам в пересыльном лагере Вторая речка под Владивостоком. Жена поэта писала: “Никто не видел его мертвым. Никто не обмывал его тело. Никто не положил его в гроб...”

Но что доподлинно известно, Мандельштам ушел из жизни, будучи тверитянином, о чем в его документах имелась соответствующая отметка. Дело в том, что в Твери он жил в доме Павла Федоровича Травникова, душевно отзывчивого и интеллигентного человека, с согласия которого семью Мандельштамов прописали в Заволжском районе по улице 3-я Никитская, дом № 41.

В январе исполнилось 120 лет со дня рождения поэта. Юбилейная дата прошла практически незамеченной. В отличие от предыдущей, отмечавшейся десять лет назад. Тогда в тверских СМИ активно раскручивалась инициатива о переименовании одной из улиц в честь не только ярчайшего представителя Серебряного века российской словесности, но и в определенной мере нашего земляка. Утверждалось, что куда более подошел бы к топонимическому лицу города топоним “улица Мандельштама”, нежели существующий “улица Благоева”, увековечивающий “неведомый вклад “в дело Твери” болгарского социал-демократа...”

“Но почему не 3-я Никитская?” - спросите вы. Хотя и не без доли лукавства, ибо наверняка знаете, что нынче эта улица носит имя Александра Ульянова. И все же, если отбросить родственные связи, то фигура старшего брата Ленина представляется весьма сомнительной в качестве топонима города. Один из организаторов и руководителей “террористической фракции” партии “Народная

воля”, участник подготовки покушения на Александра III. Вот и все его “заслуги” перед Отечеством.

Вообще же по справочнику названий тверских улиц впору изучать историю терроризма в России. Софья Перовская - участница покушений на Александра II, Андрей Желябов организовал целую серию покушений на первых лиц государства, Зинаида Коноплянникова... Этот малопочтенный ряд имен можно было бы продолжить.

Но вернемся к действительно достойным доброй памяти личностям, чьи творческие и житейские судьбы напрямую связаны с нашим городом. Об Осипе Манделштаме, как водится, пошумели в юбилейные дни и забыли. Та же участь постигла идею переименовать одну из тверских улиц в честь замечательного русского писателя Ивана Ивановича Лажечникова, автора известных исторических романов, в числе которых “Последний Новик” и “Ледяной дом”. Давайте задумаемся, по каким улицам мы ходим, на каких живем. Ведь это не только наше прошлое, настоящее, но и будущее.

Тверская жизнь. - 2002. – 31 мая; 2006. – 17 января.

Горожанин плюс. – 2011. – 25 марта.

Содержание

От составителя	2
Биографическая справка	3
Последняя идиллия. 100 лет со дня рождения О. Э. Мандельштама ...	5
Фадеева Н. “Попробуйте меня от века оторвать...”	12
Колкер М. Две встречи	17
Шарков Ю. Я вернулся в мой город родной	23
Злаказов А. Это какая улица?	25
Глушков С. В поединке с веком	29
Нерлер П. Слово и дело Осипа Мандельштама: (часть главы из книги) «Общественный ремонт здоровья», или отдых в западне	33
Чудин В. Тверитянин Осип Мандельштам	40